

Мне всегда были интересны люди, не похожие на меня

Культура. — 2003. — 28 авг. — 3 сент. — с. 4

Писатель, эссеист и драматург Зоя БОГУСЛАВСКАЯ редко рассказывает о себе. Гораздо чаще — о людях, известных, популярных и выдающихся, с которыми общалась, дружила или работала. Между тем она уже вошла в историю русской прозы второй половины XX века как автор повестей: "Защита", "Семьсот новыми", "...и завтра", "Перемена", "Наваждение", "Окнами на юг", "Близкие", трилогии "Посредники", цикла эссе (В.Аксенов, М.Жванецкий, О.Табаков, А.Демидова, Е.Гришовец, О.Меньшиков и другие), "Невымышленные рассказы" (Франция, Америка), "Зазеркалье", в историю русской поэзии — как женщина, с которой связана поэма "Оза" А.Вознесенского и которой посвящены многие замечательные стихи. В истории первого постсоветского десятилетия она останется как "триумфальный человек" — так назвала Зою Богуславскую одна из влиятельных московских газет, конечно, имея в виду, что с ее именем связано создание первой национальной независимой премии во всех видах искусства "Триумф" и другие масштабные культурные проекты.

— В 90-е общество переоценило статус литературы вообще и писателя в частности. Многие известные литераторы восприняли это как личное поражение...

— Готова понять этих людей, но я не разделяю такой точки зрения. Статус литературы, если иметь в виду степень ее влияния на общество, изменился. Более того, с развитием высоких технологий изменилось понятие чтения как такового. Никакое массовое издание не может сегодня соперничать с миллионами зрителей, слушателей. Осталось понять, кто же впоследствии будет аудиторией писательского творчества. Кому оно будет нужно и почему? Избитым стал пример, что после изобретения кино отомрет театр. Сегодня хорошие театры переполнены, но переполнены даже тогда, когда показывают увлекательную халтуру. Театр неповторим присутствием живого человека на сцене, сочинительство остается уникальным даром, писатель предлагает вам сотни вариантов жизни, опыта, эмоций, судеб. Можно ли чем-то заменить наслаждение остаться наедине с книгой? Если родители приучили ребенка любить чтение, то книга спасет его в несчастье, в одиночестве. Есть в литературе магия, которая не сводится к ее поучительной роли, ни к познавательной. Когда человек в разном возрасте читает "Анну Каренину" или "Три мушкетера", ему кажется, что он читал раньше совершенно другую книгу.

— Сегодня чтобы привлечь внимание к литературному событию, из него надо сделать событие светское. Самые известные писатели — это модные писатели. Но модный — не значит настоящий...

— Но и не значит "плохой". Модными были фильмы "Крестный отец" Кополы, "Последнее танго в Париже" Бертолуччи или "Чапаев" и "Покровские ворота". При этом они отличались высоким художественным качеством. Есть произведения, которые оказались на пике общественного интереса и при этом по-настоящему талантливы. Тогда они одновременно воздействуют и на массовое сознание, и на интеллектуальное.

Авторы сериала "Бригада", безусловно, уловили потребность общества в "отце родном", или крестном отце. И все же сериал, сделанный одаренными людьми, вторичен. Теперь о писателях. Сегодня в моде Пелевин, Акунин, Сорокин, Ерофеев, по-инному — Т.Толстая. Разве мода мешает им быть значительными писателями?

Вообще, дискуссия, должна ли быть литература массовой или чтение должно быть трудным, должна ли поэзия быть философской, эстрадной или писаться шепотом, — мне кажется чистой схоластикой. Важно только одно — качество искусства. Влияет на симпатии публики еще и то, чем общество не насыщено в данный момент. Если запретят независи-

мую прессу, любая информация, освещающая предмет с другой точки зрения, станет переходить "из рук в руки". Всякий запрет достигает прямо противоположного результата. Когда при Сталине было запрещено изображать любовь, потребность в сексе, в интиме, цикл "С тобой и без тебя" К.Симонова в списках расходился в миллионах экземпляров. Симонов был очень одаренный человек, но повальное помешательство исчезло, как только первый спрос на изображение личной жизни был удовлетворен. Столь ненавидимое нами понятие "рейтинг" учитывает эти приливы и отливы. Потребность в мыльных операх, американских фильмах, изображении на сцене и экране насилия, подавления одной группы людей другой, всевозможных стихийных катаклизмов, аварий и пр. — эта потребность тоже будет насыщена. Уверена, человек не может существовать всю жизнь в одном духовном измерении.

— Зоя Борисовна, вы создали Ассоциацию женщин-писательниц в России, затем Международную — в Париже задолго до появления термина "женская проза" и в те времена, когда успешная литературная карьера у женщины была явлением редким...

— Мне никогда не нравилось это определение — "женская проза". Т.Толстая, Л.Петрушевская, И.Грекова, Н.Садур — это женская проза? Литература, созданная женщинами в предыдущие века, — к примеру, Сафo, Жорж Санд и т.д. — продолжилась немеркнувшими именами Цветаевой, Ахматовой, их спектр влияния определять не стоит. В скрытом виде женское начало просматривается во многих классических произведениях, а сколько было мистификаций, когда женщины выдавали себя за мужчин? После первых моих публикаций ("Семьсот новыми", "Защита") vyšше похвалой в некоторых рецензиях было "мужская проза". До сих пор не знаю, в чем критика это усматривала. Возможно, в том, что я писала достаточно много от лица мужчины.

— Почему?

— Отчасти потому, что тогдашних героев моих книг — адвокатов, невропатологов, предпринимателей, формировали черты характера именно мужского. Женщины, как в театре, при распределении ролей, чаще играли субреток, разлучниц, аферисток, многочисленных "мочалок" или, наоборот, абсолютно нравоучительно-показательных матерей, жен. Видимо, для меня выбор героя был своего рода самозащитой, желанием отгородиться от любопытствующих читателей, близких, людей своего окружения. Мне всегда были интересны люди, совсем не похожие на меня. Ни один из характеров, созданных мной, кажется, не содержит ничего личного. Хотя, куда денешься, мы всегда пишем собою и о себе.

З.Богуславская

— Зоя Борисовна, ваша литературная судьба складывалась удачно: уже первая повесть "И завтра" принесла не только всесоюзный, но и международный успех. Принято считать, что творчество требует самопожертвования — в качестве платы за успех. От чего, что принято называть радостями жизни, вам приходилось отказываться?

— Что касается первой повести — никакого международного успеха она не принесла. Просто свежесть материала о молодых физиках Дубны вызвала интерес, повесть перевели в ряде стран. Успех пришел позднее. Впрочем, и проблемы тоже. Повесть "Семьсот новыми" вообще была издана книгой сначала во Франции и несколько лет спустя в России, а "Защита" уже в верстке, пролежала в "Новом мире" 4 года. Цензура полагала, что адвокат не имеет права одержать верх над обвинением.

Если честно, я никогда ничем особенным не жертвовала ради писательства. Жила "не переводя дыхания". Мою "линию жизни" пересекало множество авантюрных происшествий: крупные выигрыши на скачках в Москве и в Монте-Карло, нападение бандитов, в меня стрелял один болгарский поэт, дачу грабили раза три, был случай, когда пришлось разбираться с женщиной, выдававшей себя за меня, и т.д. и т.п. Порой эти истории становились эпизодами прозы, но бывало и наоборот: сама повесть или рассказ вовлекали меня в новый водоворот событий. Так повесть "Семьсот новыми", переведенная у "Иллимара", пробила брешь "невъездной", я выехала во Францию. Эта поездка и презентация книги познавательно-показательных матерей, жен. Видимо, для меня выбор героя был своего рода самозащитой, желанием отгородиться от любопытствующих читателей, близких, людей своего окружения. Мне всегда были интересны люди, совсем не похожие на меня. Ни один из характеров, созданных мной, кажется, не содержит ничего личного. Хотя, куда денешься, мы всегда пишем собою и о себе.

Похоже, жизнь для меня в общем-то оказывалась важнее писательст-

ложительными. Моднo эпатировать общество, на "серийном" поле — сплошной "ужасик".

— Слышала, что вы отдавали другим свои сюжеты и истории?..

— У меня нет чувства собственности. Хотя иногда бывало так жаль... Написанного не отдавала, но идеи и материал... К примеру, во время создания "Защиты" присутствовала на нескольких уголовных процессах. Особенно необычной и интересной по интриге была история кражи 40 с лишним икон из подмосковных церквей. Руководил операцией очень умный парень, кандидат искусствоведения. Он знал, что церковь отделена от государства, десятилетиями разворовывалось все, что ей принадлежало. Оказалось, почти невозможно подвести под уголовную статью данное преступление. Мой хороший знакомый, узнав, что я присутствовала на этом громком процессе, стал меня просить переуступить ему тему. Я переуступила. Или другой случай. Серьезно занимаясь Сухово-Кобылиным, обнаружила в архиве его неизвестную одноактную драму. Сенсация. Но вот однажды ко мне пришел критик, готовивший книгу о драматурге. В тот момент у него не очень удачно складывались обстоятельства. Он так переживал, что казалось — вот-вот разрыдается. До сих пор помню расставание с этой выстраданной рукописью. Подумалось, — если человек чего-то так сильно жаждет, а я могу пережить потерю, — надо отдать.

— Значит, вам вообще не свойственно чувство зависти к другим, достигшим большего, чувства, вполне распространенного в творческой среде и даже в известной степени мобилизующего...

— Я постаралась заглушить в себе даже зачатки зависти, когда поняла, как она разрушительна для человека. Порой мне задают идиотский вопрос: как удалось вам сохранить эту энергию жизни? Ну что им ответить? Быть может, натура такая. А еще никогда никому не мстила, никогда не завидовала. И никогда ни с кем не боролась. Только против обстоятельств, влекущих конкретное несчастье кому-то, то есть не боролась, а защищала.

— Я думала, ваша энергия перелась вам по наследству...

— Быть может, и так. Я выросла в атмосфере любви и счастья, которые мои родители умели дарить друг другу. И мне. Притом что в доме существовал своего рода культ напряженного труда. Отец, по образованию инженер, был профессором Станкостроительного института, автором многих трудов и учебников, мама — талантливая детский врач, доктор наук. Они вечно были заняты, говорили о своей работе с необычным увлечением.

— Ваши родители предполагали, что вы изберете отличный от них путь? Они поддержали ваш выбор?

— Нет, конечно. Отец год со мной не разговаривал, когда я после первого курса МАТИ сбежала в ГИТИС. Он считал театральным институт чем-то вроде кафешантана, где все было баклуши и развлекаются. И только после публикации первой рецензии в газете "Советское искусство" (так называлась тогда ваша газета), когда у папы несколько человек спросили: "Это не ваша ли дочь сегодня в газете?" — он как-то примирился с тем, что, быть может, меня ждет в жизни тоже достойное занятие.

— Вам посвящали стихи, статьи, что это значило для вас?

— Наверное, значило многое, но радости всегда предшествовало некоторое ошеломление: неужели то, что написано, может быть связано со мной. Легко воспринимала пародии

или эпиграммы. Помню, была одна смешная в "Литературке", где меня изображали в виде современной Франсуазы Саган. Или вот, к примеру, блистательного блоковеда Владимира Орлова: "Я пошел бы выпить кофе в это дивное шале в Богуславской в алой кофте — первой девкой на селе, \ но гнетет меня Васильев, \ подминая под башмак, \ в кишку путем насилия \ Загоняет бешбармак".

— Зоя Борисовна, в начале 90-х, в самое трудное, переходное время, вы занимались проектами, которые во многом поддерживали высокое российское искусство. Вас не беспокоит то, что сегодня аудитория его сужается?

— Да что вы! Мне кажется, что спрос на элитарное искусство (в самом истинном смысле этого слова) с каждым годом вновь повышается. Лет 8 — 10 назад у некоторых лауреатов премии "Триумф" аудитория исчислялась сотнями, теперь у многих из них — миллионами. Ходил и такой миф, что жюри, люди крайне знаменитые, присуждают премию художникам уже прославленным, достаточно широко отмеченным. Это — абберация памяти. Если вспомнить, большинство наших избранников не имели тогда вообще никаких отечественных наград. Были и просто малоизвестные. Допустим, сегодня на Выборгском фестивале главный приз получил фильм В. Косаковского. А ведь он в 25 лет уже стал лауреатом "Триумфа". В своих интервью многие лауреаты сегодня отмечают этот трамплин, с которого они сразу поднялись на новую ступень известности. Думается, жюри "Триумфа" никогда не занималось лоббированием, выборы победителя были честными, тайными и очень трудными. Приходилось голосовать за пятерых из двадцати номинантов, каждый из которых, казалось, тоже был достоин премии. Молодежный же "Триумф" не имеет конкурса, каждый член жюри выбирает своего талантливого художника — не старше 35. В последние годы было учреждено много независимых премий. И пусть, все это — благо. Особенно если процесс отбора будет все более взыскательным, перестанут называть "гениями" средних певцов, "шедевром" — раскрученный рассказ, "легендой" — художника, чей потенциал легко измерить начальной арифметикой. Но "Триумфу", занявшему очень достойное и важное место в культурном процессе, надеюсь, суждена долгая жизнь — если по-прежнему нас будет поддерживать Попечительский совет.

— Вы согласны с утверждением, что количество денег определяет количество свободы?

— Деньги дают свободу, когда их достаточно, но не слишком много. Когда их хватает на то, чтобы поехать, куда хочешь, и иметь, что необходимо. Мне кажется, что слишком большие деньги, многопрофильная собственность под силу очень волевым, одержимым людям. С годами они неизбежно теряют вкус наслаждения миром. Они становятся заложниками своего богатства, рабами возникающих ситуаций.

— От чего в жизни вы получаете особое удовольствие?

— Больше всего удовольствия получаю от общения с теми, кто мне остро интересен, от моментов полного отдыха, когда рядом любимый человек. Всегда наслаждаюсь, когда плаваю или танцую. Я до сих пор танцую всюду, где получается.

— А кто был лучшим партнером?

— На этот вопрос позвольте не отвечать...

Беседу вела
Марина ИВАНОВА
Фото Сергея БЕРМЕНЬЕВА